

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 2 (34).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (34), 2026.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0+821.112.2.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)+83.3(4Гем)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-2-317-347>

<https://elibrary.ru/SYTERW>

© 2026. Анна Добряшкина

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Письма о Достоевском (из переписки Анны Зегерс с Союзом советских писателей)

© 2026. Anna V. Dobryashkina

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Letters about Dostoevsky (From the Correspondence of Anna Seghers with the Soviet Writers' Union)

Информация об авторе: Анна Владимировна Добряшкина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0002-9654-4744>

E-mail: annica@list.ru

Аннотация: Статья посвящена истории написания Анной Зегерс сборника теоретических эссе «О Толстом. О Достоевском» (1963). Анна Зегерс — самая известная писательница ГДР, которая не только чаще других немецких авторов приезжала в СССР по приглашению Союза советских писателей, но и состояла в постоянной переписке с советскими коллегами, прежде всего, с консультантом по немецкой литературе В.И. Стеженским. А. Зегерс всегда могла рассчитывать на поддержку и помощь Союза писателей, даже в случае

работы над темами и сюжетами, которые не были популярны в советской культуре 1950-х годов. Одна из тем переписки А. Зегерс с Союзом писателей — творчество Ф.М. Достоевского, которого немецкая писательница с юности считала своим любимым русским автором. Если влияние Ф.М. Достоевского на художественную образность Анны Зегерс достаточно хорошо освещено в отечественной германистике, то история создания теоретических работ о Достоевском, отраженная в сохранившихся письмах, до сих пор оставалась без внимания. Письма 1954–1961 годов не только отражают специфику эпохи, но и показывают, как менялось отношение участников переписки к материалам о Достоевском, а также служат дополнительным штрихом к портрету немецкой писательницы. Корреспонденция этих лет важна и потому, что высказывания А. Зегерс о Достоевском в интервью начали появляться лишь в самом конце 1960-х годов — в связи с приближавшимся юбилеем русского писателя. Статья написана на основе архивных документов (РГАЛИ).

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Анна Зегерс, Союз советских писателей, Иностранная комиссия, В. Стеженский, Генрих Бёлль, А.Ф. Достоевский

Для цитирования: Добрышкіна А.В. Письма о Достоевском (из переписки Анны Зегерс с Союзом советских писателей) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2026. № 2 (34). С. 317–347. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-2-317-347>

Information about the author: Anna V. Dobryashkina, PhD in Philology, Senior Research Fellow, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0002-9654-4744>

E-mail: annica@list.ru

Abstract: The article is devoted to the history of the composition of Anna Seghers's collection of theoretical essays "On Tolstoy. On Dostoevsky" (1963). Anna Seghers was the most prominent writer of the GDR, who not only visited the USSR more frequently than other German authors, at the invitation of the Union of Soviet Writers, but also maintained constant correspondence with her Soviet colleagues, most notably with V.I. Stezhensky, consultant on German literature. Seghers could always count on the support and assistance of the Union of Writers, even when working on topics and subjects that were not popular in Soviet culture of the 1950s. One of the recurring topics in Seghers's correspondence with the Union of Writers was the work of Fyodor Dostoevsky, whom the German writer had considered her favourite Russian author since her youth. While the influence of Fyodor Dostoevsky on Anna Seghers's artistic imagery has been well covered in Russian German studies, the history of the creation of theoretical works on Dostoevsky, reflected in the surviving letters, has received no scholarly attention until now. The letters of 1954–1961 not only reflect the particular character of the era but also show how the correspondents' attitude toward Dostoevsky's work evolved, and add an important detail to our understanding of the German writer. The correspondence of these years is also important because Seghers's public statements about Dostoevsky in interviews began to appear only in the late 1960s, in connection with the upcoming anniversary of the Russian writer. The article is written on the basis of archival documents (RGALI).

Keywords: Dostoevsky, Anna Seghers, Soviet Writers' Union, Foreign Commission, V. Stezhensky, Heinrich Böll, A. Dostoevsky

For citation: Dobryashkina, A.V. "Letters about Dostoevsky (From the Correspondence of Anna Seghers with the Soviet Writers' Union)." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (34), 2026, pp. 317–347. (In Russ.)<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2026-2-317-347>

Анна Зегерс (Anna Seghers, наст. имя Аннетте Рейлинг, Annette Reiling, в замужестве Нетти Радвани, Netty Radvany, 1900–1983), самая известная писательница ГДР и самая частая гостья Союза советских писателей (ССП) после 1945 года, провела в СССР значительную часть своей долгой жизни и считала ее неразрывно связанной с русской культурой. Знакомство Зегерс с русской литературой началось в ранней юности с романов Ф.М. Достоевского, который сразу стал одним из любимых авторов писательницы. Влияние русского классика просматривается во многих ее произведениях, кроме того, она посвятила ему ряд теоретических работ.

Роль Достоевского в формировании как мировоззрения, так и художественной образности в творчестве А. Зегерс достаточно подробно освещена в современной отечественной германистике (см., напр.: [Ишимбаева, 2021]; [Головачева, Седельникова, 2022]; [Мельникова, 2022] и др.). Без особого акцента, правда, остается тот факт, что русский классик не просто с юности восхищал Зегерс, а стоял у истоков ее творческого пути. Нетти Рейлинг, дочь еврейского антиквара и арт-дилера, «специализировавшегося на нидерландских художниках»¹ [Roscher, 1984, S. 142], «с детства безумно любила живопись и архитектуру» [Roscher, 1984, S. 152]. В начале 1920-х годов она пишет на философском факультете Гейдельбергского университета диссертационное исследование по ветхо- и новозаветным сюжетам в творчестве Рембрандта и в то же самое время «читает некоторые романы Достоевского. И читает их с возрастающей страстью — один за другим: Преступление и наказание, Идиот, Братья Карамазовы»² [Seghers, 1963, S. 57]. А уже в 1924 году Н. Рейлинг

¹ Здесь и далее перевод иностранных источников мой, если не указано иное. — А.Д.

² В своих интервью 1970–1980-х годов о первых прочитанных книгах (см.: [Roscher, 1984]) А. Зегерс предупреждала своего собеседника, что все временные данные приблизительны. Относительно того, в каком порядке и в каком возрасте писательницей были прочитаны романы Достоевского, есть несоответствия в воспоминаниях разных лет. В интервью для Пушкинского дома (1969) Зегерс

под псевдонимом публикует свое первое художественное произведение и защищает диссертацию о Рембрандте, решаясь на переход от искусствоведения к литературе. В конце жизни Анны Зегерс ее коллега Криста Вольф (Krista Wolf, 1929–2011) издала текст этой диссертации («Еврей и еврейство в творчестве Рембрандта», „Jude und Judentum im Werke Rembrandts“, 1981), спрашивая себя, что же во время работы над исследованием стало причиной «превращения Нетти Рейлинг <...> в писательницу Анну Зегерс» [Reiling, 1981, S. 5], взявшую («не без тайного умысла» [Reiling, 1981, S. 7]) в качестве литературного псевдонима имя голландского предшественника великого Рембрандта — Эркюля Сегерса, не понятого современниками и забытого потомками, и вполне однозначно отвечает: Достоевский.

В скобках следует заметить, что необычному союзу Рембрандта и Достоевского, давшему импульс к творчеству немецкой писательницы, вовсе не суждено было остаться лишь ярким воспоминанием ее университетских лет: в свои произведения, подстраиваемые под требования соцреализма, А. Зегерс сумела перенести рембрандтовскую светотень, которая часто вызывала возражения критиков как опасное движение «к достоевщине, к увлечению психологизмами и углублению в психологические детали»³, ее персонажи нередко были похожи и на изображенных в романах Достоевского, и на изображенных на полотнах Рембрандта, наконец, в сознании писательницы Христос Ивана Карамазова надолго остался Христом кисти Рембрандта.

В интервью и беседах А. Зегерс начала упоминать русского классика лишь к 1970-м годам, ко времени празднования в СССР его крупного юбилея (150 лет со дня рождения). До этого речь о Достоевском шла лишь в ее переписке с разными лицами, но прежде всего — с В.И. Стеженским (1921–2000), консультантом по немецкой литературе, курировавшим от лица Иностранной комиссии ССП общение с немецкой коллегой, которая в это время была не только лауреатом Сталинской премии и Национальной премии ГДР, но и председателем Союза немецких писателей (с 1952 года). Архивные документы, переданные в РГАЛИ, представляют собой, к сожалению, далеко не полный корпус писем о Достоевском, к тому же тексты, переве-

утверждает, что «впервые прочла Достоевского школьницей» [Базанов, 1971, с. 6].

³ Стенограмма заседания в иностранной комиссии по обсуждению романа Анны Зегерс «Мертвые остаются молодыми», 23 мая 1950 г. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 548. Л. 22.

денные Стеженским на русский язык для Иностранной комиссии, обнаруживают иногда расхождения с оригиналом. Лакуны РГАЛИ восполняет берлинский архив Анны Зегерс (Anna-Seghers-Archiv), однако двухтомник избранных писем писательницы, изданный американской исследовательницей австрийского происхождения Кристианой Цель Ромеро, включает лишь часть переписки на тему Достоевского⁴.

Многие письма, хранящиеся в двух архивах, позволяют увидеть взаимосвязь между периодами сильного эмоционального напряжения (эмиграция, реэмиграция, партийные конфликты 1950-х годов и проч.) в жизни немецкой писательницы и ее желанием сопоставить происходящее с реальностью произведений Достоевского. Особенно остро Зегерс ощутила пересечение своей эпохи с миром Достоевского во время оккупации нацистами Франции, где она жила с 1933 года, и бегства в Мексику⁵. Обращение немецкой писательницы к русскому классику во время Второй мировой войны примечательно и по другой причине: именно у него она искала объяснение происходившего в современном мире кошмара. Следует, однако, признать, что «находки» Анны Зегерс нередко упрощали и даже искажали взгляды писателя и сужали его художественный мир.

В Мехико в немецком антифашистском эмигрантском журнале *Freies Deutschland* была опубликована ее статья «Князь Андрей и Раскольников: военное и идеологическое вторжение Наполеона в романах *Преступление и наказание* и *Война и мир*» [Seghers, 1944]. Небольшая по объему статья сопоставляла в 1944 году героев Толстого, Достоевского и вышедших из Гитлерюгенд молодых национал-социалистов, которые были одинаково одержимы идеей безграничной власти, и представляла Раскольникова как первого нациста. Влияние образа Раскольникова на умы немцев Зегерс сравнивала (в риторическом плане это достаточно интересный пример сравнения) с поразительным эффектом «Вертера» И.В. Гёте:

⁴ В примечаниях Кр. Цель Ромеро указывает датировку некоторых писем, посвященных Достоевскому и не включенных ею в ее издание: 22.5.1957, 20.7.1957, 25.11.1957, 28.11.1959, 07.03.1960, 15.02.1962, 28.07.1962. См.: [Zehl Romero, 2010, S. 423]. Ни одно из этих писем не имеет копий, хранящихся в РГАЛИ.

⁵ См. Seghers an Weiskopf. Pamiers, 23.11.1940 [Zehl Romero, 2008, S. 459].

Когда Гёте написал «Страдания юного Вертера», он вызвал, сам того не желая, эпидемию самоубийств. Достоевский доводит образ Раскольникова до абсурда [Seghers, 1944, S. 28].

В связи с распространением в Германии идеи «вседозволенности» писательница упоминала в сочинении и Мёллера ван ден Брука (см. подр.: [Добряшкина, 2017]), идеолога консервативных кругов Германии начала века и автора эпохального произведения «Третий рейх» (1923), ошибочно считая его «немецким переводчиком»⁶ Достоевского. Мёллер ван ден Брук, писала Зегерс, «в предисловии и других работах подхватил принцип “вседозволенности”» и «помог подвести фундамент под идеологию Гитлера, популяризируя в том числе идею “Третьего рейха”» [Seghers, 1944, S. 28]. В действительности издателя Собрания сочинений русского классика интересовала в творчестве Достоевского не «вседозволенность» и тяга к безграничной власти, а, прежде всего, идея мессианства нации, мистики народа, в чем, возможно, немецкой писательнице было значительно сложнее разобраться. К сожалению, нет сведений о реакции, которую текст мог вызвать в 1944 году в среде читателей журнала — эмигрировавших писателей-антифашистов и сотрудников Иностранной комиссии Союза советских писателей. Впрочем, заключительный фрагмент статьи не только затрагивал болезненный момент необходимой в будущем денацификации немецкого народа, но и предполагал отличие нацистов от Раскольникова:

Страны и народы задыхаются сегодня от переполняющего их преступления Гитлера. Наказание еще окутано туманом неизвестности. Как немецкую молодежь подведут к осознанию преступления и наказания, это, пожалуй, самый сложный вопрос нашего поколения [Seghers, 1944, S. 28].

Вернувшись в Германию (1947), Зегерс участвовала в 1948 году в мероприятиях, проводимых «Обществом изучения культуры Совет-

⁶ Здесь Зегерс допускает неточность: Мёллер ван ден Брук не переводил тексты Достоевского. Это достаточно серьезное фактографическое искажение для поколения 1920-х годов, читавшего и романы Достоевского, и предисловия к ним Мёллера ван ден Брука. Следует, однако, учитывать, что статью Зегерс писала в тяжелых условиях эмиграции, кроме того, после опасной черепно-мозговой травмы, потребовавшей года реабилитации в Мексике и дававшей о себе знать всю последующую жизнь.

ского Союза»⁷ (Gesellschaft zum Studium der Kultur der Sowjetunion), и снова говорила о Достоевском. В Галле она выступила с докладом на знакомую тему — «Наполеоновская идеология власти у Толстого и Достоевского» («Die napoleonische Macht-Ideologie in den Werken Tolstois und Dostojewskis»); в Шверине — это было как раз после ее первой послевоенной поездки в СССР⁸ — ей пришлось просвещать соотечественников в вопросах актуальности творчества Достоевского, убеждать их в том, что «Братья Карамазовы, хотя Достоевский, конечно, не совсем соответствует духу современной России, — это очень глубокая книга»⁹. Со стороны писательницы эти выступления перед немецкой публикой были, безусловно, смелым шагом: если сразу после своего возвращения на родину Зегерс могла не знать о антидостоевской кампании 1947 года в СССР, то, посетив весной 1948 года Москву¹⁰, она, конечно же, уже была в курсе происходившего и действовала вопреки советским установкам.

Однако далее Достоевский словно исчезает из творческой жизни Зегерс. Было ли причиной его «несоответствие духу современной России», что еще отчетливее почувствовала писательница во время многочисленных поездок в СССР, или так выразилась исключительная сложность первых пяти лет после ее реэмиграции, сказать однозначно сложно. Возможно также, писательнице было известно о том, что в 1950 году при обсуждении в Иностранной комиссии ее романа «Мертвые остаются молодыми» ее укоряли в склонности к «достоевщине». Возвращение к любимому русскому автору наметилось только в 1953 году. Примерно в это же время подходил к концу «самый мрачный и глухой период замалчивания и “разоблачения” Достоевского» в СССР [Подосокорский, 2024, с. 162].

29 мая 1954 года в немецкой газете *Tägliche Rundschau* было опубликовано эссе Зегерс «Письма друзьям на Западе. О поездке

⁷ Структура в ГДР, видевшая свою задачу в распространении информации о культуре Советского Союза, что было частью программы денацификации немецкого населения после капитуляции Германии.

⁸ Первая послевоенная немецкая делегация, в составе которой была Анна Зегерс, приехала в СССР на период с 07.04.1948 по 04.05.1948. До этого Зегерс была в Советском Союзе только в 1930 году.

⁹ Seghers an Kurt Stern, Berlin, 07.07.1948 [Zehl Romero, 2008, S. 315].

¹⁰ Накануне прибытия делегации, 1 апреля 1948 года, на заседании филфака ЛГУ состоялось публичное «покаяние» ленинградского литературоведа А.С. Долинина, автора вышедшей в 1947 году книги «В творческой лаборатории Достоевского: история создания романа “Подросток”». См.: [Дружинин, 2025, с. 93].

в Советский Союз» («Briefe an Freunde im Westen. Über eine Reise in die Sowjetunion»), созданное в форме открытого письма близким друзьям Жоржу Амаду и Пабло Неруде¹¹. В своем названии, которое вызывало ожидание скорее травелога, эссе не имело никакого указания на русскую литературу, тем не менее, оно было посвящено роману Л. Толстого и обосновывало логическую необходимость вернуться к изучению другого русского писателя. Обращаясь к «друзьям на Западе», Зегерс вспоминала, как у нее возникла идея заняться творчеством Достоевского: работая в 1953 году в архиве Л. Толстого в Ясной Поляне и листая номера «Русского вестника», она обнаружила

в том же выпуске, в котором начинается «Война и мир» <...> продолжение «Преступления и наказания» Достоевского. Существует точка соприкосновения обеих книг — пусть они и противятся сравнению в других случаях [Seghers, 1963, S. 27].

Писательница «лукавила»: в 1953 году ее размышления о «наполеоновском принципе власти», безусловно, уже не были новыми, и «точка соприкосновения» Толстого и Достоевского, обнаруженная в номере «Русского вестника», ни в коем случае не возникла в сознании А. Зегерс в Ясной Поляне, хотя, возможно, и приобрела там важную для нее «привязанность к явственной и осязаемой действительности»¹². Кроме того, ее ранняя статья, опубликованная в мексиканском журнале за десять лет до этого, утверждала обратное: оба писателя настолько разные, что «связующие нити можно найти лишь с трудом» [Seghers, 1944, S. 27]. Зегерс очевидно искала авторитетную фигуру, из тени которой она могла бы без какого-либо риска для собственной репутации вывести Достоевского.

После публикации эссе о Толстом обстоятельства жизни А. Зегерс складывались довольно благоприятно для совершения шага, который писательница считала для себя опасным. С конца 1955 года и до апреля 1956 года¹³ она находилась в больнице, и друзья в Москве проявляли беспокойство. Союз писателей готов был, как всегда,

¹¹ Изначально письмо было адресовано только Ж. Амаду.

¹² Зегерс — Полевому. Берлин, 17.03.1954. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1350. Л. 7. Машинописн. копия, пер. В. Стеженского.

¹³ 27.04.1956 писательница уехала в Москву, чтобы пройти курс лечения в Барвихе.

оказать любую помощь, и Зегерс смело высказывала свои желания: в письме председателю Иностранной комиссии ССП Б.Н. Полевому — приехать в Москву на лечение; в письме заместителю председателя Инокомиссии М.Я. Аплетину — снять деньги с московской сберкнижки по доверенности. Однако о своей давней мечте написать небольшую работу о Достоевском писательница заявить так и не смогла. Более того, эту тему она затрагивала с осторожностью и даже предпочитала ее по возможности избегать. Когда в начале 1956 года, все еще в больнице, ей пришлось заполнять анкету ССП, составленную для писателей ГДР, Достоевский был назван вместе с Толстым, Чеховым и др., а на вопрос о влиянии литературных предшественников Зегерс ответила уклончиво: «не было определенного автора, который бы на меня серьезно повлиял при написании первых работ»¹⁴. Характерно, что за этим чрезвычайно безынформативным письмом, адресованным В. Стеженскому, все же последовало второе, в котором о влиянии Достоевского писательница снова не говорила прямо, но уже описывала свое восприятие русской литературы достаточно ярко и эмоционально¹⁵: в романах русских авторов

жизнь была более осязаемая, чем моя собственная, люди были больше людьми, их боль была больше болью, их свобода была больше свободой, снег тоже был больше снегом, и зерно было больше зерном. И поскольку все шло непосредственно из жизни, я, так сказать, нашла в себе мужество, чтобы писать. Я поняла, что нет ничего, о чем нельзя было бы написать¹⁶.

Сдержанность Анны Зегерс кажется преувеличенной на фоне юбилея Достоевского и запланированного издания монографий о его творчестве не только на русском, но и на иностранных языках. Маловероятно, что председателю Союза немецких писателей не было известно о таком масштабном проекте. К тому же, как раз в

¹⁴ Seghers an Steshenski. Berlin, 02.1956 [Zehl Romero, 2010, S. 42].

¹⁵ Для сравнения, в анкете 1969 года, опубликованной в юбилейном издании «Достоевский и его время», Зегерс указывает следующее: «Впервые я прочла Достоевского школьницей. Я пережила тогда глубокое потрясение. Достоевский погрузил меня в неизвестное мне до этого странное состояние» [Базанов, 1971, с. 6].

¹⁶ В РГАЛИ этого письма нет, в издании писем Кр. Цель Ромеро оно, как и большинство писем, касающихся темы «Достоевский», представлено лишь фрагментарно. См.: [Zehl Romero, 2010, S. 369].

конце января 1956 года, в западногерманском журнале *Der Spiegel* в статье «Больше не реакционный» («Nicht mehr reaktionär») сообщалось, что, согласно советской «Литературной газете», в СССР готовится торжественное празднование 75-летия со дня смерти писателя, а также его десяти томное собрание сочинений.

Тему Достоевского писательница собиралась обсудить во время второго в 1956 году посещения Советского Союза, до или после заседания Комитета по Сталинским премиям, в который она входила с 1954 года. Заседание, правда, в 1956 году не состоялось, поэтому свою мечту А. Зегерс пришлось изложить в письме Стеженскому. О ее упорном нежелании говорить о запланированной работе прямо и подробно свидетельствует сложный — и очень частый в ее эпистолярном наследии — стиль. О значимом писательница сообщала словно мимоходом, обрамляя важные факты множеством второстепенных деталей и действий в сослагательном наклонении и оставляя свое неосуществленное намерение по-прежнему в русле «толстоведения»:

У меня была тогда идея написать еще одно литературное письмо (подобное письму о Толстом) о Достоевском. Я бы поехала после этого заседания на три дня в Ленинград. Конечно, я могла бы сделать и наоборот, если бы я знала, когда это заседание должно было состояться. Тогда бы я в первой половине дня прибыла в Москву и уехала бы вечером того же дня в Ленинград, а затем обратно на заседание¹⁷.

Письмо заканчивалось упоминанием перенесенной в начале года тяжелой болезни.

Последнее письмо в 1956 году — его копия отсутствует в РГАЛИ, оригинал хранится в Архиве Анны Зегерс в Берлине — написано 24 декабря, после, по всей видимости, только что состоявшегося приятного телефонного разговора со Стеженским. Оно снабжено рисунком Зегерс, выдержано в праздничном тоне, однако, интересно тем, что в постскриптуме, после основной информации и расспросов о вещах, которые можно привезти в Москву из ГДР, содержится (с сокращением слов, будто в конспирологическом послании, с повторением формулы «подобно письму о Толстом») однозначное изъявление желания писательницы приехать в Советский Союз для изучения Достоевского независимо от других мероприятий.

¹⁷ Seghers an Steshenski. Berlin, 17.11.1956 [Zehl Romero, 2010, S. 55].

Впрочем, Зегерс подчеркивала, что идея актуальности нового эссе исходила от самого Стеженского:

Если этой зимой заседание не состоится, я бы приехала где-нибудь в конце февраля в Москву и Ленингр. для написания литерат. письма о Достоевском (подобно пис. о Толстом). Его можн. будет, действительно, как тогда с Толстым, перевести на иностранные языки и сделать доступным для чтения в Зап. Германии, Америке и Италии. Эта прекрасная мысль уже приходила Вам в голову. Надо ли мне по этому вопросу написать Полевому или Федину? Пожалуйста, подтвердите получение этого письма¹⁸.

В январе 1957 года Зегерс отправила В. Стеженскому, который в Инокомиссии отвечал за все переводы с немецкого языка, два письма — для Б. Полевого и для него самого. Полевого писательница просила организовать для нее поездку в Москву и Ленинград для сбора материала о Достоевском:

Я буду Вам очень обязана, если Вы поможете мне осуществить творческую поездку в Москву и Ленинград.

Я собираюсь написать работу о Достоевском и хотела бы собрать необходимый для этого материал. Может быть, эта работа приобретет форму открытого письма, подобного тому, какое я опубликовала на имя Жоржа Амаду о Л. Толстом. После того, как я имела тогда возможность работать в архиве Л. Толстого, я опубликовала также ряд статей, рассчитанных на западных читателей.

Таким же образом я хочу использовать материал о Достоевском. Разумеется, расходы по этой поездке я беру на себя. Прошу Вас, дорогой товарищ Полевой, помочь мне в получении визы¹⁹.

Письмо Анны Зегерс Стеженскому маркировало определенную фазу ее рецепции Достоевского — на этом этапе все прежние представления о русских романах писательницу еще однозначно вдохновляли, позволяя даже мечтать о жизни в монастыре.

¹⁸ Seghers an Steshenski. Berlin, 24.12.1956 [Zehl Romero, 2010, S. 58–59].

¹⁹ Зегерс — Полевому, Берлин, 26.01.1957. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1387. Л. 3. Машинописн. копия, пер. В. Стеженского 04.02.1957.

Я очень хотела бы объединить эти два мероприятия, т. е. приехать пораньше, чтобы заняться стариком Достоевским, поехать к нему в Ленинград, а потом, вернувшись, принять участие в заседаниях людей мира.

Поэтому прошу Вас узнать, когда состоится это заседание. Когда все прояснится и я буду примерно знать о дате моей поездки в Ленинград, я хотела бы также встретиться там с людьми, с которыми я познакомилась в последнее посещение Ленинграда, которых я давно знаю и которые смогут помочь мне в работе над моей темой и показать необходимые места в Ленинграде.

Вам и мне снова предстоит много веселой и плодотворной работы. То, что Вы в последний раз рассказывали мне о раскаявшемся разбойнике и о многих других вещах (у Достоевского кающихся грешников, что песчинок в пустыне, но разбойник, основавший монастырь, это невероятно), я с Вашей помощью снова вспомню. Материалы эти у меня есть.

Я до сего времени не писала в Союз писателей относительно своей поездки потому, что ждала ответа от Скобельцына.

<...> Для моей работы мне нужно было бы побывать на различных фабриках и пожить в монастыре. Но это нельзя объединить с другими заботами и делами, особенно при моем теперешнем состоянии²⁰.

Интересно, что Стеженский, как и Зегерс, нервничал из-за этого проекта и явно старался минимизировать свою роль в деле сбора документов по Достоевскому. Переведенное им для Инокомиссии письмо Анны Зегерс при сравнении с хранящимся в берлинском архиве оригиналом обнаруживает мелкие неточности.

У нас с Вами, Стежи, будет снова куча веселой и прекрасной работы. Ваши **записи** о раскаявшемся разбойнике и о многих других вещах (у Достоевского кающихся грешников, как **песка морского**, но **Ваш** разбойник, который основал монастырь, был **чистым заблуждением**), которые Вы мне в последний раз прислали, мы еще раз с Вашей помощью просмотрим. У меня это, конечно, с собой²¹.

²⁰ Зегерс — Стеженскому, Берлин, 26.01.1957. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1387. Л. 1,2. Машинописн. копия, перевод В. Стеженского 05.01.1957.

²¹ Seghers an Steshenski. Berlin, 26.01.1957 [Zehl Romero, 2010, S. 61]. Маркировка жирным шрифтом — *А.Д.*

Видимо, для Стеженского в 1957 году было принципиально важно заменить упоминание письменного изложения на устное, опустить местоимение «Ваш» и поменять «чистое заблуждение» на указание невероятности услышанного (соответственно, «песок морской» был заменен на «песчинки в пустыне» ради устранения библейского звучания при сохранении общего смысла). Из письма Зегерс следует, что тема переписки — Оптина пустынь, а не только Ленинград, и что в берлинском архиве среди многих других неопубликованных писем по теме «Достоевский» есть письма из Москвы, копии которых отправитель предпочел не оставлять.

Полевой, в свою очередь, написал в ответ о готовности СП оказать писательнице любую помощь:

Дорогая товарищ Зегерс! Получил Ваше письмо и спешу ответить. Разумеется, мы сделаем все, от нас зависящее для того, чтобы организовать Вам творческую поездку в Москву и Ленинград.

Чудесная это мысль — написать по-новому о Достоевском. По-моему, ни с одним писателем не было такой путаницы, как с ним. Он еще ждет вдумчивого и умного исследователя. Кстати, только вчера видел выставку молодого художника Гончарова²², у которого среди других работ есть серия иллюстраций к Достоевскому. Мы с женой просто в ажиотаж пришли — как это все хорошо, глубоко и умно. Будете в Ленинграде, обязательно мы Вас с ним сведем²³.

Одобрительный ответ Полевого сразу снизил напряженность в эпистолярном диалоге Зегерс и Стеженского. Такая реакция Полевого была вполне ожидаема: в самом начале 1955 года он уже поднимал вопрос о необходимости учитывать индивидуальные интересы приезжающих иностранных писателей, а не «гонять их, как зайцев, по одному и тому же давно известному тем, кто у нас уже побывал, маршруту»²⁴, поэтому замена «окостеневшего маршрута»²⁵

²² Имеется в виду график А.Д. Гончаров (1903–1979).

²³ Полевой — Зегерс, Москва, 05.02.1957. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1387. Л. 4. Машинописн. копия.

²⁴ Памятная записка Б.Н. Полевого о пребывании советских писателей в зарубежных странах и зарубежных писателей в СССР. 8 января 1955 г. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 46. Л.3.

²⁵ Там же.

в Ленинграде на экскурсию «Петербург Достоевского» оказалась вполне реальной.

В итоге в 1957 году Анна Зегерс побывала в СССР дважды: с 20 апреля по 10 мая и с 1 ноября по 13 ноября, ни об одном из этих визитов в РГАЛИ не осталось отчетов. Вероятная причина заключалась в том, что обе поездки Анны Зегерс были организованы «по линии Комитета по Ленинским премиям»²⁶. Писательница в этом случае не зависела от программы ССП, и поэтому ей было так важно совместить посещение Ленинграда с заседанием Комитета. Поездка в Ленинград состоялась, как и планировала писательница, до заседания Комитета, а 6 мая Зегерс встречалась уже с Полевым и Аплетиным в Москве. Во время первого визита Зегерс обратилась за помощью к литературоведу А.Л. Дымшицу, бывшему культурофицеру советской зоны оккупации, который жил тогда в Ленинграде и которого она знала с момента возвращения в Берлин из Мексики. Скорее всего, именно Дымшица писательница имела в виду, когда сообщала Стеженскому о людях, «которых она давно знает и которые смогут помочь ей в работе над ее темой и показать необходимые места в Ленинграде». Вопрос о знакомстве с внуком Достоевского, Андреем Федоровичем, вряд ли можно ставить, поскольку в это время А.Ф. Достоевский был серьезно болен и «считал для себя 1957 год — последним»²⁷. Кроме Ленинграда, как следует из переписки, Зегерс была в сопровождении Стеженского также в Коломне и в летней усадьбе Достоевских.

После весеннего визита писательницы в СССР Стеженский снова активно собирал материалы об Оптиной пустыни. Его письмо от 3 июля 1957 года, возможно, оказалось самым важным для Зегерс:

<...> вот что мне в результате длительных поисков удалось установить. Л. Толстой действительно был в Оптиной пустыни, куда он ездил в связи с работой над повестью «Отец Сергей». Приехал он в Оптину пустынь 27 февраля 1890 года и беседовал со старцем Амвросием. В своем дневнике за 27.2.1890 года Л. Толстой писал: «Подтверждается то, что я видел в Киеве — молодые послушники святые, с ними бог; старцы не те, с ними дьявол. Был у Амвросия, говорил о разных верах... Амвросий — жалок, жалок своими соблазнами до

²⁶ Дневник работы Иностранной комиссии за 1957 год. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 58. Л. 12. Копия.

²⁷ См. переписку А.Ф. Достоевского с Л.П. Гроссманом. Например, Достоевский — Гроссману, Ленинград, 23.11.1957. РГАЛИ. Ф. 1386. Оп. 2. Ед. хр. 263. Л. 13.

невозможности» (Лев Толстой. Полное собрание сочинений, том 51, Москва, ГИХЛ, 1952 г., стр. 23). <...>

Достоевский же, как Вы знаете, был в Оптиной пустыни 26–27 июня 1878 года и трижды беседовал там со старцем Амвросием. Его мнение об этом старце Вам тоже известно.

Остается пока неясным, был ли старец Амвросий, с которым беседовал Достоевский, тем же старцем, с которым беседовал Толстой. Их встречи разделяют 12 лет. Если предположить, что старец Амвросий, с которым беседовал Достоевский, успел за это время отправиться на тот свет, то весьма маловероятно, что его преемник тоже носил имя Амвросий. По-видимому, это тот же самый Амвросий. Во всяком случае я постараюсь еще узнать точнее, хотя все, кого я спрашивал, утверждают, что это, наверное, тот самый Амвросий. Но никто не может сказать абсолютно точно, так ли это на самом деле²⁸.

Относительно Амвросия Оптинского исследовательница К. Цель Ромеро, читавшая, хотя и не включившая в свой сборник переписку об Оптиной пустыни, замечает, что «Анну Зегерс восхищало различие во взглядах обоих авторов» [Zehl Romero, 2010, S. 422–423].

Далее в том же июльском письме Стеженский излагал информацию о семье Достоевского, их поместье, упоминал монографию Л.П. Гроссмана «Жизнь и труды Ф.М. Достоевского» (1935). Еще через десять дней советский германист отправил Анне Зегерс пачку фотографий Достоевского, 25 штук, полученных в музее, и пять фотографий из серии: «Анна Зегерс в поисках имения Достоевского»²⁹. Свое письмо Стеженский закончил трогательным восклицанием: «Знал бы этот старец, какой неожиданный интерес проявится к нему в 1957 году!»³⁰

Второй раз Зегерс приезжала в СССР в ноябре 1957 года (заседание комитета состоялось 04.11.1957), однако писем в это время становится значительно меньше, а имя Достоевского и вовсе исчезает из корреспонденции.

²⁸ Стеженский — Зегерс, Москва, 03.07.1957. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1387. Л. 13. Машинописн. копия.

²⁹ Стеженский — Зегерс, Москва, 13.07.1957. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1387. Л. 14. Машинописн. копия.

³⁰ Там же.

В январе 1960 года работой немецкой коллеги над Достоевским начал интересоваться ушедший на пенсию М. Аппетин. Его письма не сохранилось, и предположить причину его интереса сложно. Зегерс, в свою очередь, благодарила Аппетина за «подробное письмо», называла его «дорогим и старым товарищем», однако, на вопрос о Достоевском она ответила уклончиво и сухо, без обычной для переписки с Аппетиным сердечности, к тому же апеллируя уже к Шиллеру:

Я в самом деле писала Стеженскому и часто говорила, что хотела бы написать этюд о Достоевском, хотя и в одном определенном аспекте: Достоевский, Шиллер. Это означает для меня — надеюсь, что смогу это ясно выразить — развитие образа великого инквизитора. И, конечно, всего, что относится к Христу, антихристу, социализму, атеизму, к ложному и правильному во взглядах этих писателей. Я не хотела бы излишних разговоров об этой еще только задуманной работе и ее направлении, поскольку по горло занята сейчас совершенно другой работой, которая отнимет у меня еще несколько недель³¹.

В письме Стеженскому, написанном в тот же день, она сообщала об осевшей ее идее — предшествовании образа инквизитора из драмы «Дон Карлос» Шиллера образу Великого Инквизитора Достоевского:

По моему мнению, еще никто никогда не размышлял и не писал о той взаимосвязи, которая без всякого сомнения существует между Великим Инквизитором Ивана Карамазова и Великим Инквизитором Дона Карлоса, а также о том, что этот первый Великий Инквизитор Дона Карлоса стал праотцом многих инквизиторских и дьявольских явлений в мировой литературе, вплоть до доктора Фаустуса нашего Томаса Манна³².

Этот ответ, свидетельствовавший о произошедшей перемене во взглядах и планах Зегерс, удивил и огорчил Стеженского:

³¹ Зегерс — Аппетину, Берлин, 27.01.1960. РГАЛИ. Ф. 2876. Оп.1. Ед. хр. 97. Л. 2. Машинописн. копия. перевод на рус. язык. В. Стеженского (09.02.1960).

³² Seghers an Steshenski, Berlin, 27.01.1960. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1434. Л. 1. Машинописн. копия.

То, что Вы думаете написать о Достоевском, Шиллере, великом инквизиторе и т.п., кажется мне очень интересным. Только как же теперь наш старец Зосима-Амвросий? Куда он, бедный, денется? А Оптиная пустынь и Толстой? Пожалуйста, напишите мне, что бы Вы хотели, чтобы я посмотрел в наших библиотеках, какой материал для Вас подобрать?³³

Стеженский сразу предложил Зегерс свою помощь в написании работы на новую тему и, не получив ответа от немецкой писательницы, предложил помощь повторно.

Перед своим приездом в Москву, 9 апреля 1960 года, Зегерс витиевато сообщала Стеженскому:

О старике Достоевском и еще более древнем старике Шиллере, которые, каждый по-своему, были частично в порядке, частично в беспорядке, мы поговорим, когда я приеду. Возможно, я с радостью съезжу в Ленинград, чтобы еще раз внимательно осмотреть разные вещи. Не имею ни малейшего понятия, как далеко расположен этот монастырь от какого города и есть ли смысл туда наведаться, кроме того смысла, который всегда имеется для любой фантазии в любом путешествии. Я надеюсь, Вы сможете со мной проработать некоторые моменты, если у Вас будет время и желание³⁴.

В своей записной книжке, напротив, цель поездки в СССР Зегерс обозначила четко: «На 1 мая я была в Москве-Ленинграде / Готовила статью о Достоевском» (цит. по: [Zehl Romero, 2003, S. 393]). До Оптиной пустыни, о необходимости посещения которой писательница сообщала ранее, она не доехала, хотя, можно не сомневаться, Стеженский готов был организовать и эту поездку. На этом тема Достоевского в их эпистолярном диалоге была исчерпана. Лишь через полтора года в переписке в последний раз мелькнули имена Достоевского и его персонажа; Зегерс упоминала их в пренебрежительном тоне и снова вместе с другим писателем:

³³ Стеженский — Зегерс, Москва, 11.02.1960. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1434. Л. 5. Машинописн. копия.

³⁴ Seghers an Steshenski. Berlin, 09.04.1960. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1434. Л. 9. Машинописн. копия.

Я вынашиваю замысел новой литературной работы, ну, поскольку Ваш древний старец Зосима приказал долго жить (как Вам известно, смердя). <...> Мне было бы интересно узнать, есть ли архив Гоголя в Москве или Ленинграде и будет ли у Вас хоть немного желания пару дней поработать там вместе со мной³⁵.

Работа над «письмом о Достоевском» была завершена в 1961 году, как, в общем-то и планировалось, — к 140-летию со дня рождения писателя, однако опубликовать его сразу не удалось. 1961 год, на который пришелся пик Второго Берлинского кризиса (1958–1962), оказался для председателя Союза немецких писателей сложным. С февраля западногерманская пресса сообщала о запрете на ввоз книжной продукции из ГДР в ФРГ. Возведение в августе Берлинской стены вызвало множественные протесты западногерманской общественности. Особенно яростно на Анну Зегерс нападал уже известный к тому времени Гюнтер Грасс, автор «Жестяного барабана»³⁶, заявляя в открытом письме от 14 августа, что создательница великолепного романа «Седьмой крест» «не заметила агрессии диктатуры, которая <...> на время и все же ловко переделалась в ее мечту о социализме и коммунизме» [Richter, 1961, S. 63]. На письмо Грасса вместо Зегерс, которая находилась в это время в Бразилии, ответил из Калифорнии немецкий писатель-эмигрант Людвиг Маркузе. Разделяя взгляды молодого коллеги, он замечал:

Однако призывать в этот час Анну Зегерс к поступку, то есть, к слову, означает возложить на нее подвиг мученичества. Она не должна умереть! Она не должна страдать! Ее жертва не принесет ни малейшей пользы и будет не чем иным, как самоубийством. Она должна <...> однажды нас просветить: как это возможно, что человек, имевший хороший слух и острое зрение, не видел и не слышал, или, если он видел и слышал, не сделал никаких выводов. Для того, чтобы представить важнейшую из всех тем восточного блока, нам как раз необходима писательница масштаба Анны Зегерс [Richter, 1961, S. 64].

³⁵ Seghers an Steshenski. Berlin, Ende 1962 [Zehl Romero, 2010, S. 120].

³⁶ Повесть «Кошки-мышки», ставшая, в свою очередь, общественным скандалом, была издана через несколько месяцев после публикации открытого письма Анне Зегерс, в ноябре 1961.

Стефан Хермлин, друг и коллега Зегерс, ответивший Грассу вторым, напоминал об антифашистской деятельности писателей ГДР и сравнивал истерию писателей ФРГ, «защитников западной свободы 1961 года» [Richter, 1961, S. 68] с истерией немецкого народа 1933 года, указывая на практически не состоявшуюся денацификацию в Западной Германии. В дискуссию втянулись многие авторы, завершало контроверзу письмо Ганса Вернера Рихтера, основателя и руководителя литературной «Группы 47», к Н.С. Хрущёву. Полемика в прессе и протесты возобновились в 1962 году, когда западногерманское издательство *Luchterhand* отважилось, наконец, опубликовать «Седьмой крест».

В 1963 году, почти через двадцать лет после первой статьи «Князь Андрей и Раскольников», в либеральном восточнонемецком журнале *Sinn und Form* (№15, январь-февраль) было опубликовано эссе Анны Зегерс «Откуда они и куда идут: о происхождении и дальнейшем развитии персонажей романов Достоевского, в особенности об их связи с персонажами Шиллера» («Woher sie kommen, wohin sie gehen: über den Ursprung und die Weiterentwicklung einiger Romangestalten Dostojewskijs, besonders über ihre Beziehung zu Gestalten Schillers»). Отдельным изданием вышла тогда же и ее книга «О Толстом. О Достоевском» (*Über Tolstoi. Über Dostojewskij*. Berlin: Aufbau-Verl., 1963), почти наверняка отсылавшая читателя к известному в свое время опусу Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» [Mereschkowski, 1903]. Книга включала три эссе: «О создании “Войны и мира”». Письмо Жоржу Амаду» («Über die Entstehung von “Krieg und Frieden”. Brief an Jorge Amado»), «Идея наполеоновской власти в романах Толстого и Достоевского» («Die Idee von der napoleonischen Macht in Romanen von Tolstoi und Dostojewskij») и «Откуда они и куда идут» — и производила довольно необычное впечатление. Это не было литературоведческое исследование. Писательница предпочла свободный стиль, и ее постоянные переходы от одного автора к другому, от авторов к персонажам, от реальности создания своего текста к художественной реальности произведений классиков, ссылки на рецепцию Лениным Достоевского, на помощь Стеженского в сборе биографического материала и проч. затрудняли чтение.

В самом начале работы над проектом, еще в декабре 1956 года, Зегерс ясно обозначила свою цель — сделать свое исследование «доступным для чтения в Западной Германии», где ее книги не издавались с 1948 года. Первое эссе, «письмо о Толстом», она так и на-

звала: «Письма друзьям на Западе», и, хотя подзаголовок адресовал сочинение Ж. Амаду и П. Неруде, предназначалось оно, безусловно, географически менее отдаленным «друзьям на Западе» — читателю в ФРГ. Конечно, писательница знала, что ее книга «О Толстом. О Достоевском» будет изучена славистами ГДР, прежде чем попасть в руки западногерманского читателя; кроме того, ей заинтересуются советские германисты. По всей видимости, сборник этюдов о русских классиках отличался своеобразной логикой изложения именно потому, что был адресован трем совершенно разным читательским аудиториям: в ФРГ интерес к Достоевскому, особенно философским и теологическим аспектам его творчества, всегда был высок; напротив, в СССР классик долгое время считался реакционным писателем, хотя постепенно отношение к нему смягчалось, в том числе из-за его популярности на Западе; наконец, в ГДР исследования скорее сводились к поискам «критического реализма в творчестве Достоевского и выявлению фактов его идеологических заблуждений» [Головачева, Седельникова, 2022, с. 162]. Именно по причине непопулярности Достоевского в ГДР Анна Зегерс осталась ярким исключением в культуре чтения конца 1950-х годов: известный славист Роланд Опиц (Roland Opitz, 1934–2015), вспоминая как раз эту эпоху, когда он уже был исследователем в восточногерманском университете, признавался: «Нет, я не проводил подобно Анне Зегерс в молодости свободные часы за страстным чтением Достоевского, погруженный в загадочный мир автора» (цит. по: [Криницын, 2007, с. 213]).

«Письмо Жоржу Амаду» было включено в сборник без видимых изменений и, помимо рассуждений о романе Толстого, указывало на необходимость заниматься Достоевским. В сочинении «Идея наполеоновской власти»³⁷ повторялся тезис мексиканской статьи 1944 года: Раскольников — это «закоренелый нацист» [Seghers, 1963, S. 50], однако первый идеолог Третьего рейха больше не упоминался, не было и рассуждений о принципе «вседозволенности» как идейных корнях нацизма. Имя Мёллера ван ден Брука появилось в самом конце третьего эссе — «Откуда они и куда идут».

Последнее эссе в книге, написанное к 140-летию со дня рождения русского классика, было самым объемным и имело самую сложную композицию. Зегерс касалась в нем множества тем, переходила от

³⁷ Перевод на русский был опубликован в 1984 году. См.: [Наполеоновская идея, 1984].

одного тезиса к другому и, в общем-то, не позволяла читателю сразу увидеть авторскую интенцию. Она не только сравнивала Шиллера и Достоевского, но и анализировала такие пары, как Достоевский — Галилей, персонаж из пьесы Б. Брехта; К.П. Победоносцев — Великий Инквизитор, персонаж «Дона Карлоса»; сопоставляла сцены появления чёрта в «Братьях Карамазовых» и «Докторе Фаустусе» Томаса Манна. Сочинение начиналось с вопроса «почему Достоевский?» и представляло собой развернутый ответ на него. Вступление было предназначено советским друзьям, в частности М. Аплетину, и коллегам в ГДР; неожиданно для любого другого читателя оно основывало интерес автора к Достоевскому через интерес к Шиллеру, а также затрагивало вопрос «реакционности» русского писателя и его значимость вопреки «реакционности»:

Некоторые мои друзья спрашивали меня, почему я в последнее время так много занималась Достоевским, особенно его романом «Братья Карамазовы». И они удивлялись, когда я им говорила, что у Достоевского есть точки пересечения с немецким поэтом, Шиллером, которые я раньше не замечала.

Мое внимание обращали на то, как резко критиковал Ленин реакционные тенденции в творчестве Достоевского. Да, он осуждал их резко и безжалостно. В то же время он снова и снова подчеркивал, что Достоевский был поистине гениальным писателем [Seghers, 1963, S. 55–56].

Далее в тексте можно было увидеть упрощение и даже умолчание важных фактов, большое количество излишних деталей, запутывающих комментариев. Когда Зегерс вспоминает свое страстное увлечение Достоевским в юности, она придает этому чисто биографическое звучание и наивным языком, допуская в тексте очевидные (и, несомненно, намеренные) нарушения логики, описывает интереснейший феномен в истории культуры Германии, но не называет его:

Мой интерес к Шиллеру и мой интерес к Достоевскому я разделяла в то время со многими сверстниками. Не было никого, кто бы нас спросил: почему не Гёте? Почему не Толстой? Или даже: почему именно «Братья Карамазовы»? Мы утоляли наш голод той пищей, которая нам была больше всего нужна. Кто ее обнаружил первым, я уже не помню. В любом случае она была доступна, и мы даже внуши-

ли себе, что она была приготовлена специально для нас. Ни одному бы из нас не пришла в голову идея, которую прошлой зимой высказал со всей искренностью один студент, обращаясь скорее к себе самому, чем к нам: В чем я ошибся? Почему мне до сих пор больше интересен Ван Гог, а не Либерман?

Такие сомнения у нас даже не могли возникнуть. Не потому, что мы не знали ни Ван Гога, ни Либермана. И также не потому, что мы без раздумий были абсолютно со всем согласны, что мы читали в романах Достоевского [Seghers, 1963, S. 58–59].

Затронутый здесь феномен, который сразу вышел за пределы литературы как таковой, — «немецкая достоевщина» (*deutsche Dostojewtschina*) [Koenen, 2006, S. 32], культ Достоевского в Германии в 1920-е годы. Тот факт, что имя Достоевского издатель его произведений Мёллер ван ден Брук связывал с идеей Третьего рейха, определенно помнили «сверстники» Анны Зегерс в Германии и вряд ли помнили, если вообще когда-то знали, советские коллеги в ССР. Если бы писательница, обозначая неопределенным «мы» целое поколение немцев, увлеченное русскими романами, знала³⁸, что к нему относится также один из самых одиозных ее «сверстников», не доживший, правда, до юбилея русского писателя, — печально знаменитый доктор Геббельс, она определенно проявила бы в своих формулировках еще большую осторожность. Зегерс очевидно не хотела делать акцент на «немецкой достоевщине». Несмотря на то, что немецкие издания были у писательницы снова под рукой, она оставила деятельность Мёллера ван ден Брука без какого-либо комментария. Более того, в эссе его имя упоминалось в паре с именем Д.С. Мережковского, на которого также возлагалась ответственность за искаженное понимание Достоевского в Германии:

Правильное, критическое восприятие творчества Достоевского в Германии было особенно осложнено изданием и интерпретацией Мережковского и Мёллера ван ден Брука (который один из первых употребил выражение «Третий рейх»). Эти издатели подчеркнули в творчестве Достоевского все, что было мистическим и реакционным. Тем важнее для нас защитить эти произведения от ложных толко-

³⁸ Дневниковые записи Й. Геббельса, в которых он оставляет свои впечатления от чтения Достоевского, были впервые опубликованы в 1987 году, в первом томе четырехтомного издания. См.: [Goebbels, 1987].

ваний и фальсификации и дать им верный комментарий, как это происходит в Советском Союзе [Seghers, 1963, S. 118].

Интерпретация творчества Достоевского в этуде «Откуда они и куда идут» предполагалась Анной Зегерс, таким образом, в новом и правильном ключе.

Вводя в эссе множество фактов, писательница словно старалась использовать все материалы, предоставленные ей В. Стеженским. Стеженский, несомненно, проделал колоссальную работу, и Зегерс не забывает упомянуть в своем сочинении о том, что он «помогал при поиске материала и переводил его» [Seghers, 1963, S. 111]. Однако это было не столько выражение благодарности за помощь, сколько указание на участие советского коллеги в ее проекте и, следовательно, на определенную ответственность за этот проект. Как следует из переписки, Зегерс получала письма Стеженского с переведенным им на немецкий язык «материалом», но можно предположить, что при обилии имевшихся документов речь преимущественно шла об их устном переводе (и в его качестве можно не сомневаться) и одновременном — не всегда аккуратном — конспектировании писательницей отдельных моментов во время ее пребывания в СССР. Отчасти это объясняет искажение фактографии, как в случае с неточным цитированием писем Достоевского, которые в те годы еще не были переизданы³⁹ в Германии. Отчасти — поскольку нельзя исключать и намеренное допущение Анной Зегерс этих «неточностей». С другой стороны, даже если бы в распоряжении писательницы были «материалы», изданные на немецком языке, вряд ли бы она смогла основательно разобраться в таких сложных для инокультурного восприятия вопросах, как Достоевский и монархия, Достоевский и крепостное право, а также в специфике православной традиции.

Главная идея немецкой писательницы — «внутренняя раздвоенность» (Zwiespalt) [Seghers, 1963, S. 84] Достоевского, его «двойничество, противоречивость» [Seghers, 1963, S. 85], такой же «двойной смысл жизни»⁴⁰ (Doppelsinn des Lebens) [Seghers, 1963, S. 84], как

³⁹ Последнее, достаточно полное издание избранных писем Достоевского на немецком языке относилось к 1926 году (Dostoevskij. Briefe. hrsg. von Arthur Luther. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1926). Не исключено, что издание не было доступно А. Зегерс.

⁴⁰ Здесь А. Зегерс использует понятие из монолога Валленштейна («Смерть Валленштейна» Ф. Шиллера). В переводе Н.А. Славятинского реплика героя «Denn

у Шиллера: «Воплощение внутреннего разлада в драмах Шиллера затрагивало у Достоевского <...> какую-то определенную сторону его собственного таланта, собственного творческого дара» [Seghers, 1963, S. 84]. Драматизм шиллеровского героя, возникающий из *необходимости* «совершить поступок», который существовал лишь как «элемент мышления» [Seghers, 1963, S. 83], А. Зегерс связывает с протестом Достоевского, скрытым в системе его отрицательных персонажей, против существующего положения вещей как в политическом, так и религиозном плане. Подтверждение «двойничества» писательница находит в эпистолярном наследии русского классика.

Касаясь в эссе переписки Достоевского, Зегерс упоминает лишь Победоносцева и, подвергая его типичной для своей эпохи критике и даже демонизируя его, создает иллюзию эпистолярного диалога писателя с одним-единственным корреспондентом: «Предполагаю, что тон этих писем был окрашен с обеих сторон доброй порцией лицемерия» [Seghers, 1963, S. 86]. Победоносцев, «обер-прокурор–Великий Инквизитор» [Seghers, 1963, S. 87], выступал в тексте антагонистом Достоевского, постоянно контролирующим его представителем государственной власти и церковной цензуры. «Под его влиянием был создан также образ старца Зосимы» [Seghers, 1963, S. 86], — сообщает Зегерс и подчеркивает, ссылаясь на письмо писателя от 16 сентября 1879 года, в адресате которого читатель должен предположить именно Победоносцева, критичность взгляда Достоевского на старца Зосиму и в целом на старчество, «уникальное (*eigentlich*) явление в монастырской жизни греко-православной церкви» [Seghers, 1963, S. 110].

Ему <Достоевскому — А.Д.> даже приходится отстаивать фразы, которые изображают мертвого старца. Запретит ли цензура выражение «покойник <...> провонял»⁴¹? В его душе все противится изменению. Слово было ему важно, поскольку факт, который оно передает, выводит на свет ложное понимание святости. «Это нельзя выразить иначе» [Seghers, 1963, S. 116].

mich verklagt der Doppelsinn des Lebens» (букв.: «Ибо меня обвиняет двойной смысл жизни») приобретает несколько иной смысловой оттенок: «Жизнь двойственна — и это мне во вред». См.: [Шиллер, 1980, с. 234].

⁴¹ Перевод на русский дается в соответствии с оригиналом по: [Достоевский, 2006, т. 7, с. 463]. Имеется в виду фрагмент реплики отца Ферапонта: «Покойник, святой-то ваш, — обернулся он к толпе, указывая перстом на гроб, — чертей отвергал. <...> А днесь и сам провонял. В сем указание Господне великое видим».

«Man darf es nicht anders ausdrücken», — Зегерс, некорректно цитируя слова писателя и связывая их с «ложным пониманием святости» в православной церкви, делает акцент на модальности формулы *man darf nicht*, на непозволительности действия, его моральном запрете. В то же время Достоевский в письме Н.А. Любимову (а вовсе не Победоносцеву, как прочитывается в эссе), который редактировал «Братьев Карамазовых» для «Русского Вестника», имел в виду совершенно другое — неспособность «выражаться иначе» конкретного персонажа, которая в профессиональном переводе на немецкий язык 1981 года была передана модальной формулой *er kann nicht* («Er kann sich nicht anders ausdrücken»⁴²): «Есть только одно словцо (про труп мертвого): *провонял*. Но выговаривает его отец Феропонт, а он *не может говорить иначе* (здесь курсив мой — А.Д.), и если б даже мог сказать: *пропах*, то не скажет, а скажет *провонял*» [Достоевский, 2006, т. 8, с. 566]. Такой, с точки зрения Зегерс, «мощный» [Seghers, 1963, S. 117], «строгий и неподкупный реализм» писателя «часто вызывает удивление» [Seghers, 1963, S. 116].

О причинах, побудивших немецкую поклонницу Достоевского допустить искажения оригинального текста, остается лишь догадываться. Рассматривая вопрос «тлетворного духа» в русле «ложного понимания святости», писательница, как кажется, пыталась «защитить» не только «Братьев Карамазовых» от «мистического и реакционного», но и Толстого от Достоевского, избавиться от «восхищавшего» ее различия во взглядах обоих авторов на старца Амвросия. Вероятнее всего, для Анны Зегерс оказалось важным воспоминание Толстого о поездке в Оптину пустынь. Опираясь на письма Стеженского, она излагает историю посещения старца Амвросия двумя русскими классиками. В отличие от консультанта по немецкой литературе, который оставил образ Амвросия амбивалентным и не дал ему собственной оценки, писательница кратко комментирует в эссе возникший конфликт:

Когда граф навестил старца Амвросия, тот предложил ему одну из комнат, служивших для размещения особых гостей. Граф Толстой решительно отказался. Амвросий в ответ улыбнулся и сказал, что это неважно, как живет человек, Толстой не должен придавать слишком большого значения внешним вещам. И даже добровольно возложен-

⁴² См.: [Dostojewski, 1981. S. 434].

ная на себя бедность, пост и жизнь на милостыню (Betteln) не могут возвысить внутреннюю ценность человека.

Здесь Толстой был задет за живое. Вопросу, который он считал важнейшим в жизни, Амвросий не придал особого значения [Seghers, 1963, S. 111].

Зегерс пишет о Толстом без иронии, для нее жизнь и творчество Толстого — пример духовного подвига. Смысл ее комментария в том, что оптинский насельник не был способен оценить подвижничество писателя. Эта оценка перенеслась и на старца Зосиму, поскольку Амвросий Оптинский был, как узнала писательница от Стеженского, прототипом персонажа «Братьев Карамазовых». По всей видимости, именно неожиданная «разгадка» Анной Зегерс тайны «тлетворного духа» сняла с повестки дня ее посещение Оптиной пустыни во время пребывания в СССР и, в общем-то, сказала на восприятии Достоевского и его художественного мира.

Возможно и принципиально иное объяснение неаккуратного обращения с фактами и источниками. Анна Зегерс, находившаяся в эпицентре бурной писательской полемики окончательно разделенной Германии, видела в Достоевском того, кому она могла бы подражать в собственной ситуации и кто мог бы, в свою очередь, защитить ее «от ложных толкований». Достоевский был для нее примером художника, который, официально отказавшись от «мечты юности» [Seghers, 1963, S. 71], остался самим собой.

Его отказ от себя дает о себе знать почти на каждой странице, вплоть до самой последней. Но так как он в то же время был великим писателем-реалистом, он крепит сомнительные, парящие в воздухе идеи к надежному фундаменту [Seghers, 1963, S. 87].

На русском языке эссе было опубликовано со значительными купюрами в том же 1963 году в переводе С. Апта в апрельском выпуске журнала «Вопросы литературы» [Зегерс, 1963]. Примечательно, что сюжеты со старцем Амвросием, тайна «тлетворного духа», идея «двойничества» были выпущены. Несмотря на это, осторожность немецкой писательницы в вопросах «реакционности» Достоевского на протяжении всей переписки со Стеженским и работы над последним эссе кажется значительно больше, чем того требовали реалии советской культуры, особенно во время юбилейных мероприятий. Судя по всему,

Зегерс опасалась реакции не столько с советской стороны, сколько со стороны структур ГДР (вопреки расхожему мнению о полном подчинении восточногерманских институций советской культурной политике). В 1962 году издательство *Aufbau* поручило опытному слависту Вольфу Дювелю (Wolf Düwel, 1923–1993) написать рецензию на книгу «О Толстом. О Достоевском». Дювель в своих комментариях заметил, что

еще раз перепроверил *все* факты и цитаты. Дело в том, что тут Анна очевидно не показывает себя надежным исследователем. [...] В эссе о Достоевском имеются некоторые интересные фрагменты. [...] Подозрительным кажется тот факт, что реакционные стороны Достоевского уж слишком явно вынесены на задний план (цит. по: [Zehl Romero, 2003, S. 393]).

Кроме того, после публикации сборника «О Толстом. О Достоевском» в Министерство государственной безопасности ГДР (Штази) сразу поступило мнение о книге: здесь писательница

ловко изложила свою ясную позицию относительно «тоталитарной» системы в ГДР. В «Достоевском» она нашла и подчеркнула все те стороны, которые можно использовать для выражения оппозиционного мнения о структурах в ГДР. Таким образом она показала, как можно выражать мнение без риска быть привлеченным за это к ответственности. Тем самым она подала пример другим писателям [Zehl Romero, 2010, S. 381].

Допуская в эссе неточности и искажая факты, Зегерс, вероятнее всего, стремилась привести образ русского классика не столько в соответствие с востребованным в ГДР идеологическим стандартом, сколько в соответствие с собственным Я. Это и было ее сообщением «друзьям на Западе», ее ответом на вопрос: «почему Достоевский?».

Размышляя сорок лет о Достоевском, Зегерс прошла путь от юной восторженной читательницы, «погруженной в загадочный мир автора», и зрелого человека Второй мировой войны, увидевшего в этой войне одну из возможных страшных фантазмагорий русского писателя, до его последователя, взявшего на вооружение те творческие методы Достоевского, которые, как считала Зегерс, помогли ему — несмотря на «отказ от себя» — остаться классиком русской литературы. В этом свете история подготовки небольшого

сборника «О Толстом. О Достоевском», отразившаяся в переписке с В. Стеженским, предстает как важная страница биографии писательницы, красочный штрих к портрету ее творческой личности.

Архив Иностранной комиссии сохранил любопытное свидетельство об акте дарения западному читателю книги «О Толстом. О Достоевском»: это произошло в 1966 году, когда Союз писателей организовал в Москве встречу Анны Зегерс и Генриха Бёлля, еще одного любителя творчества Достоевского. Долгожданный гость из ФРГ, совершив во время своего первого визита в СССР в октябре 1962 года «осмотр мест, связанных с Достоевским»⁴³, готовил в 1966 году материал для фильма «Писатель и Петербург» с участием внука Достоевского. По уже доступному для иностранцев «пути Раскольников» А.Ф. Достоевский провел летом 1968 года также писательницу Кристу Вольф, которая этот путь подробно, шаг за шагом, изложила в своих «Московских дневниках» [Вольф, 2017, с. 134–137]. При всей неоднозначности исследовательского проекта Анны Зегерс для «друзей на Западе», безусловная заслуга немецкой писательницы состояла в том, что она внесла свою лепту в открытие для гостей из ГДР и ФРГ уникального экскурсионного маршрута по «Петербургу Достоевского».

Список литературы

1. Базанов, 1971 — Наша анкета. Деятели современной культуры о Достоевском // Достоевский и его время / ред. В.Г. Базанова и Г.М. Фридлендера. Л.: Наука, 1971. С. 5–16.
2. Вольф, 2017 — Вольф К. Московские дневники. Кто мы и откуда / пер. с нем. Н. Федоровой. М.: Текст, 2017. 286 с.
3. Головачева, Седельникова, 2022 — Головачева Е.А., Седельникова О.В. История переводов романов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» на немецкий язык: роль издательств и первых собраний сочинений. Статья 2 // Новый филологический вестник. 2022. №3 (62). С. 154–179.
4. Добряшкина, 2017 — Добряшкина А.В. Третий рейх и Третий Рим: рецепция Достоевского в Германии в 1910–1930-е годы XX века // Россия — Германия: литературные встречи (1880–1945) / отв. ред. Т.В. Кудрявцева. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 157–182.
5. Добряшкина, 2025 — Добряшкина А.В. «Вы — мои лучшие друзья в целом свете»: Анна Зегерс и Союз советский писателей // Литературный факт. 2025. № 2 (36). С. 253–273.
6. Достоевский, 2006 — Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 9 т. М.: Астрель, 2006.

⁴³ Дневник пребывания в СССР западногерманских писателей (Г. Бёлль, Р. Хагельштанге, Р. Герлах и И. Мейстер) с 25 сентября по 15 октября 1962 г. РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 3194. Л. 11.

7. Дружинин, 2025 — *Дружинин П.А.* Достоевский в XX веке. Неизвестные документы и материалы. М.: НЛЮ, 2025. 592 с.
8. Зегерс, 1963 — *Зегерс А.* Заметки о Достоевском и Шиллере // Вопросы литературы. 1963. № 4. С. 118–138.
9. Ишимбаева, 2021 — *Ишимбаева Г.Г.* Рецепция русской литературы в творчестве Анны Зегерс // Вестник Башкирского Университета. 2021. №1. С. 241–249.
10. Криницын, 2007 — *Криницын А.Б.* Достоевский в Германии // Достоевский и XX век / ред. Т.А. Касаткина. В 2-х т. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Т. 2. С. 178–249.
11. Мельникова, 2022 — *Мельникова Л.А.* Рецепция художественного опыта Ф.М. Достоевского в романе А. Зегерс «Транзит» // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2022. Т. 2, № 2(38). С. 89–95.
12. Наполеоновская идея, 1984 — Наполеоновская идея власти в романах Толстого и Достоевского / публ. и пер. Л.С. Дробат // Яснополянский сборник. Тула: Приокское книжное изд-во, 1984. С. 100–104.
13. Подосоковский, 2024 — *Подосоковский Н.Н.* «Реабилитация» Ф.М. Достоевского в период оттепели // Новый мир. 2024. № 8 (1192). С. 162–176.
14. Седельник, 2017 — *Седельник В.Д.* Анна Зегерс и русские (советские) писатели // Россия — Германия: литературные встречи (1880–1945) / отв. ред. Т.В. Кудрявцева. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 451–469.
15. Шиллер, 1980 — *Шиллер Ф.* Валленштейн / ред. Пуришев Б.И.; пер. Славятинского Н.А. М.: Наука, 1980. 592 с.
16. Goebbels, 1987 — Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente in 4 Bdn. Teil I: Aufzeichnungen 1924–1941 / hrsg. von Elke Fröhlich im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte und in Verbindung mit dem Bundesarchiv. München: K.G. Saur, 1987. 351 S.
17. Dostojewski, 1981 — Dostojewski F.M. Briefe / übers. von W. u. W. Schroeder. Leipzig: Reclam, 1981. 504 S.
18. Koenen, 2006 — *Koenen G.* Der Russland-Komplex. Zur Ambivalenz deutscher Orientierungen in der Weltkriegsphase // Traumland Osten. Deutsche Bilder vom östlichen Europa im 20. Jahrhundert / Thum G. Göttingen: Vadenhoeck & Ruprecht, 2006. S.16–46.
19. Mereschkowski, 1903 — *Mereschkowski D.S.* Tolstoi und Dostojewski als Menschen und Künstler. Eine kritische Würdigung ihres Lebens und Schaffens / übers. ins Deutsche v. Carl von Gütschow. Leipzig: Verlagsbuchhandlung Schulze & Co, 1903. 302 S.
20. Roscher, 1984 — *Roscher A.* Im Gespräch mit Anna Seghers // Wortmeldungen zur DDR-Literatur / hrsg. von Eberhard Günther. Leipzig: Mitteldeutscher Verl. Halle, 1984. S. 142–168.
21. Seghers, 1944 — *Seghers A.* Fürst Andrej und Raskolnikoff. Die militärische und ideologische Invasion Napoleons in den Romanen «Schuld und Sühne» und «Krieg und Frieden». Freies Deutschland. 1944. № 5. S. 27–28.
22. Seghers, 1963 — *Seghers A.* Über Tolstoi. Über Dostojewskij. Berlin: Aufbau-Verl., 1963. 123 S.
23. Reiling, 1981 — *Reiling N.* (Anna Seghers). Jude und Judentum im Werke Rembrandts / hrsg. von Krista Wolf. Leipzig: Reclam, 1981. 61 S.
24. Richter, 1963 — Die Mauer oder der 13. August / hrsg. von Richter H.W. Reinbek b. Hamburg: Rowohlt Verl, 1961. 195 S.
25. Zehl Romero, 2008 — Anna Seghers. Briefe 1924–1952 / hrsg. von Chr. Zehl Romero. Berlin: Aufbau-Verl., 2008. 747 S.

26. Zehl Romero, 2010 — Anna Seghers. Briefe 1953–1983 / hrsg. von Chr. Zehl Romero. Berlin: Aufbau-Verl., 2010. 645 S.
27. Zehl Romero, 2003 — *Zehl Romero, Chr.* Anna Seghers. Eine Biographie: 1947–1983. Berlin: Aufbau-Verl., 2003. 479 S.

References

1. “Nasha anketa. Deiateli sovremennoi kul'tury o Dostoevskom” [“Our Survey. Figures of Contemporary Culture on Dostoevsky”]. Bazanov, V.G., and G.M. Fridlender. *Dostoevskii i ego vremia* [Dostoevsky and His Time]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 5–16. (In Russ.)
2. Vol'f, K. *Moskovskie dnevniki. Kto my i otkuda* [Moscow Diaries. Who We Are and Where We Come From]. Translated by N. Fedorova. Moscow, Tekst Publ., 2017. 286 p. (In Russ.)
3. Golovacheva, E.A., and O.V. Sedel'nikova. “Istoriia perevodov romanov F.M. Dostoevskogo ‘Prestuplenie i nakazanie’ na nemetskii iazyk: rol' izdatel'stv i pervykh sobranii sochinenii. Stat'ia 2” [“The History of Translations of Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment* into German: The Role of Publishers and the First Collected Works. Article 2”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3 (62), 2022, pp. 154–179. (In Russ.)
4. Dobriashkina, A.V. “Tretii reikh i Tretii Rim: retseptsiiia Dostoevskogo v Germanii v 1910–1930-e gody XX veka” [“The Third Reich and the Third Rome: The Reception of Dostoevsky in Germany in the 1910s–1930s”]. Kudriavtseva, T.V., editor. *Rossiiia — Germaniia: literaturnye vstrechi (1880–1945)* [Russia — Germany: Literary Encounters (1880–1945)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 157–182. (In Russ.)
5. Dobriashkina, A.V. “Vy — moi luchshie друз'ia v tselom svete': Anna Zegers i Soiuz sovetskikh pisatelei” [“You Are My Best Friends in the Whole World': Anna Seghers and the Union of Soviet Writers”]. *Literaturnyi fakt*, no. 2 (36), 2025, pp. 253–273. (In Russ.)
6. Dostoevskii, F.M. *Sobranie sochinenii: v 9 tomakh* [Collected Works: in 9 vols]. Moscow, Astrel' Publ., 2006. 648 p. (In Russ.)
7. Druzhinin, P.A. *Dostoevskii v XX veke. Neizvestnye dokumenty i materialy* [Dostoevsky in the 20th Century. Unknown Documents and Materials]. Moscow, NLO Publ., 2025. 592 p. (In Russ.)
8. Zegers, A. “Zametki o Dostoevskom i Shillere” [“Notes on Dostoevsky and Schiller”]. *Voprosy literatury*, no. 4, 1963, pp. 118–138. (In Russ.)
9. Ishimbaeva, G.G. “Retseptsiiia russkoi literatury v tvorchestve Anny Zegers” [“The Reception of Russian Literature in the Work of Anna Seghers”]. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, no. 1, 2021, pp. 241–249. (In Russ.)
10. Krinitsyn, A.B. “Dostoevskii v Germanii” [“Dostoevsky in Germany”]. Kasatkina, T.A., editor. *Dostoevskii i XX vek* [Dostoevsky and the 20th Century], vol. 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2007, pp. 178–249. (In Russ.)
11. Mel'nikova, L.A. “Retseptsiiia khudozhestvennogo opyta F.M. Dostoevskogo v romane A. Zegers ‘Tranzit’” [“The Reception of Dostoevsky's Artistic Experience in A. Seghers's Novel *Transit*”]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, vol. 2, no. 2 (38), 2022, pp. 89–95. (In Russ.)
12. “Napoleonovskaia ideia vlasti v romanakh Tolstogo i Dostoevskogo” [“The Napoleonic Idea of Power in the Novels of Tolstoy and Dostoevsky”]. Published and translated by L.S. Drobat. *Iasnopolianskii sbornik* [Yasnaya Polyana Collection]. Tula, Priokskoe knizhnoe izd-vo Publ., 1984, pp. 100–104. (In Russ.)

13. Podosokorskii, N.N. "‘Reabilitatsiia’ F.M. Dostoevskogo v period ottepli" ["The ‘Rehabilitation’ of F.M. Dostoevsky during the Thaw Period"]. *Novyi mir*, no. 8 (1192), 2024, pp. 162–176. (In Russ.)
14. Sedel'nik, V.D. "Anna Zegers i russkie (sovetskie) pisateli" ["Anna Seghers and Russian (Soviet) Writers"]. Kudriavtseva, T.V., editor. *Rossiiā — Germaniia: literaturnye vstrechi (1880–1945)* [Russia — Germany: Literary Encounters (1880–1945)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2017, pp. 451–469. (In Russ.)
15. Schiller, F. *Vallenshtein* [Wallenstein]. Edited by B.I. Purishev, translated by N.A. Slaviatinskii. Moscow, Nauka Publ., 1980. 592 p. (In Russ.)
16. *Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente in 4 Bdn. Teil I: Aufzeichnungen 1924–1941*, hrsg. von Elke Fröhlich im Auftrag des Instituts für Zeitgeschichte und in Verbindung mit dem Bundesarchiv. München, K.G. Saur, 1987. 351 S. (In German)
17. Dostojewski Fjodor M. *Briefe*. übers. von W. u. W. Schroeder. Leipzig, Reclam, 1981. 504 S. (In German)
18. Koenen G. "Der Russland-Komplex. Zur Ambivalenz deutscher Orientierungen in der weltkriegsphase." *Traumland Osten. Deutsche Bilder vom östlichen Europa im 20. Jahrhundert*. Thum G. Göttingen, Vadenhoeck & Ruprecht, 2006, S.16–46. (In German)
19. Mereschkowski D.S. *Tolstoi und Dostojewski als Menschen und Künstler. Eine kritische Würdigung ihres Lebens und Schaffens*. übers. ins Deutsche v. Carl von Gütschow. Leipzig, Verlagsbuchhandlung Schulze & Co, 1903. 302 S. (In German)
20. Roscher A. "Im Gespräch mit Anna Seghers." *Wortmeldungen zur DDR-Literatur*. Hrsg. von Eberhard Günther. Leipzig, Mitteldeutscher Verl. Halle, 1984, S. 142–168. (In German)
21. Seghers A. "Fürst Andrej und Raskolnikoff. Die militärische und ideologische Invasion Napoleons in den Romanen «Schuld und Sühne» und «Krieg und Frieden»." *Freies Deutschland*, no. 5, 1944, S. 27–28. (In German)
22. Seghers A. *Über Tolstoi. Über Dostojewskij*. Berlin, Aufbau-Verl., 1963. 123 S. (In German)
23. Reiling N. (Anna Seghers). *Jude und Judentum im Werke Rembrandts*. Hrsg. von Krista Wolf. Leipzig, Reclam, 1981. 61 S. (In German)
24. *Die Mauer oder der 13. August*. Hrsg. von Richter H.W. Reinbek b. Hamburg, Rowohlt Verl, 1961. 195 S. (In German)
25. Anna Seghers. *Briefe 1924–1952*. Hrsg. von Chr. Zehl Romero. Berlin, Aufbau-Verl., 2008. 747 S. (In German)
26. Anna Seghers. *Briefe 1953–1983*. Hrsg. von Chr. Zehl Romero. Berlin, Aufbau-Verl., 2010. 645 S. (In German)
27. Zehl Romero, Chr. *Anna Seghers. Eine Biographie: 1947–1983*. Berlin, Aufbau-Verl., 2003. 479 S. (In German)

Статья поступила в редакцию: 30.12.2025

Одобрена после рецензирования: 28.01.2026

Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 30 Dec. 2025

Approved after reviewing: 28 Jan. 2026

Date of publication: 25 June 2026